

Александр Секиров

*«Учитель, который
обманывал смерть».*

18+

Александр Секиров «Учитель, который обманывал смерть».

<https://litres.ru/74479439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга представляет собой беспощадную исповедь 26-летнего преподавателя ОБЖ, чьи знания о безопасности оплачены реальным опытом выживания на грани. Автор делится шокирующей историей о жестоком розыгрыше со стороны друга-милиционера, когда учебные съемки спецназа были восприняты как реальное похищение и угроза погребения в бетоне. Эта сорокапятиминутная имитация казни заставила его заживо похоронить себя в мыслях и навсегда изменила восприятие страха.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Секиров «Учитель, который обманывал смерть».

Глава 1

«Учитель, который много раз обманывал смерть»

Автор: Александр Секиров

Аннотация

«Я не профессиональный писатель — я учитель. Эта книга — беспощадная исповедь человека, который прожил жизнь „на грани“ и выстоял там, где другие ломались. Я — преподаватель ОБЖ с 26-летним стажем. Но когда я говорю ученикам о безопасности, я не цитирую учебники. Мои знания оплачены ценой, которую не рискнет повторить никто. Это статистика выживания за гранью человеческих возможностей. Я решил подвести финальную черту. Нужна ли эта исповедь кому-то, кроме меня? Не знаю. Если прочитанное зацепит вас — дайте знак. Только так я пойму, стоит ли открывать вторую главу. Каждый день я вхожу в класс, и ученики видят обычного старика-ОБЖшника,

Они сидят за партами, уткнувшись в свои смартфоны, лениво перелистывают страницы и тихонько подхихикивают. Они смеются над банальными, пресными правилами безопасности из стандартных школьных учебников, зевают от скуки и даже близко не подозревают, что прямо перед ними, у доски, стоит человек, который обманул смерть десятки раз. Человек, чей личный учебник выживания написан не чернилами, а собственной кровью и шрамами.

Им кажется, что все эти «чрезвычайные ситуации» — просто параграфы для оценки в журнале. Они не знают, что такое настоящий, липкий ужас. Они не знают, каково это — быть похищенным по-настоящему.

А в моей жизни был и такой круг ада. Это был дикий, безумный розыгрыш от близкого друга, которого я приобрел за время службы в милиции — вот так специфически, на излом, проверялась наша дружба. С его стороны это были подпольные съемки какого-то фильма, о котором меня никто не предупредил. Меня взяли жестко, профессионально, без единого шанса на сопротивление. Я не знал, что это игра. Для меня всё происходило здесь и сейчас, в реальном времени. Нанятые актеры были настоящими спецнами, прошедшими суровую школу спецназа — они работали так достоверно, что у меня не возникло ни тени сомнения. Вокруг разыгрывались якобы реальные, кровавые убийства, а меня, связанного, притащили в глухой, мрачный подвал.

Там, в сырой темноте, эти «преступники» начали хлад-

нокровно обсуждать мой финал. Они деловито приготовили раствор и прямым текстом заявили, что сейчас живьем закатают меня здесь в бетон. В моей голове намертво застыл один единственный, леденящий приговор: «Всё. Это конец. Меня убьют, зальют в подвале, и никто никогда меня не найдет. А если и найдут — я сяду пожизненно за то, чего никогда в жизни не совершал». Мозг просто плавился от этой дикой несправедливости и ужаса неизбежности.

Это кино длилось всего сорок пять минут, а снималось 3 недели, но за это время чужого съемочного процесса я успел мысленно постареть на целую жизнь, перешагнуть через собственный рассудок и заживо похоронить себя под слоем бетонной заливки.

Когда занавес упал, маски были сброшены и выяснилось, что это «шутка», розыгрыш, проверка на дружбу и я ее выдержал, внутри меня не было ни злости, ни облегчения. Там воцарилась звенящая, абсолютно мертвая тишина. Мой страх, который еще оставался после аварий и драк молодости, в те сорок пять минут в подвале выгорел до самого основания, оставив лишь холодный пепел. Все спецы меня поздравляли, что я не сдался, когда любой бы с ума сошел, а я просто как заново родился. Этот фильм у меня, но его нельзя выкладывать по понятным причинам.

И теперь, когда я смотрю на детей, их улыбающиеся, беззаботные лица в классе, я имею полное, выстрадавшее право закрыть этот скучный учебник, положить его на стол, посмотреть им прямо в глаза и сказать: «А теперь забудьте всё, что вам читали до этого. Слушайте, как выжить там, где правил больше нет, ведь я выживал, и не раз...»

Под моей рубашкой скрыта карта дорог, по которым она годами ходила кругами. На моем счету двадцать три перелома, шесть автомобильных наездов на меня, и одна тяжелая авария с опрокидыванием машины. Я четыре раза тонул и дважды горел от ударов током. Мои девяностые— это жестокие драки почти очень частые, дипломатия... Кровавый, жестокий бой за право быть уважаемым среди толпы, где за малейшую слабость тебя просто уничтожали. Но самое страшное ждало меня не на улицах, а за закрытыми дверями соседских домов. Я рос там, где одновременно, в одно и то же время, орудовали два жутких чудовища — Марц и Гордовенко. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE,%D0%92%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80_%D0%92%D0%BB

%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BC

%D0%B8%D1%80%D0%BE

%D0%B2%D0%B8%D1%87 «Их лиц нет в интернете, их дела до сих пор пылятся в секретных архивах под грифом не для печати,...»

Мерц жил со мной по соседству. А мать второго ма-
ненька была моим классным руководителем с перво-
го по третий класс. Удивительная женщина, настоя-
щий ангел, которая отдавала нам всю душу. Она учила
меня писать и верить в добро, пока в ее собственной
семье рос настоящий, хладнокровный демон. В сем-
надцать лет мой нос собирали по частям, но сердце
мне разбили гораздо раньше. Меня предавали столь-
ко раз, что я сбился со счета. Но до того, как стать пе-
дагогом и застегнуться на все пуговицы, я был одним
из «четырех мушкетеров». Мы прыгали по весенним
льдинам и делали самодельные гранаты из сифонов.
Мы уцелели там, где обязаны были погибнуть. Сего-
дня я расскажу, почему их больше нет, а я — выжил,
но едва не потерял душу. Как после армии, суровых 90-
х и бесконечных схваток не стать злым? Это история
о том, почему в 56 лет автору больше не страшно. Это
гимн человечности, сохранившейся вопреки всему. О
том, как выжить, когда тебя не один раз бьет разъ-
яренная толпа, и как остаться Человеком, когда весь
мир толкает тебя в пропасть. «Что бы ни случилось —

живи». Это не просто девиз. Это право, выстраданное каждой минутой борьбы за следующий вдох.

Итак, начинаю рассказ.

Глава 2

Иммунитет к боли

Говорят, время лечит. Чушь. Наглая, утешительная ложь для тех, кому не хватало смелости заглянуть бездне в глаза. Время не лечит — оно закаляет. Делает это грубо, безжалостно, методично опуская тебя в раскаленный кузнечный горн, а затем швыряя под тяжелый молот судьбы. Оно выжигает из тебя все мягкое, оставляя лишь тугую, звенящую сталь. Когда мне исполнилось пятьдесят пять, я вдруг поймал себя на странной, почти пугающей мысли: мне больше не страшно. Вообще. Ни перед чем. Этот вывод не был вспышкой паники или бравадой. Он пришел тихо, как осознание очевидного факта — словно я посмотрел на термометр и увидел ноль градусов. Почему? Всё просто. Страх — это всегда ожидание неизвестного. Это липкая, удушливая тревога перед тем, что еще может случиться, перед темным углом, в который ты еще не заглядывал. А в моей жизни тайн, загадок и сюрпризов почти не осталось. Мир выложил передо мной все свои козыри, и большинство из них оказались краплеными. Когда ты двадцать шестой год подряд изо дня в день переступаешь порог школы, ты кожей ощущаешь этот груз. На твоих плечах мертвым, свинцовым весом висят сотни детских жизней, их хрупкое будущее, их сиюминутная безопасность. Это ответственность, от которой сводит зубы.

Добавьте к этому звуковую память: когда ты двадцать три раза в абсолютно разные периоды жизни отчетливо, в полной тишине слышал сухой, ни с чем не сравнимый хруст собственных ломающихся костей. Когда ты трижды заглядывал в тот самый глухой, темный коридор, откуда живыми обычно не возвращаются, и чувствовал оттуда могильный сквозняк... Страх просто атрофируется. Он не может жить в таком режиме. Он выгорает дотла, до серого, невесомого, отработанного пепла. На его месте образуется вакуум. Иммунитет. Тот шестилетний мальчишка с разорванным лицом, который в далеком 1977-м бежал по дороге, задыхаясь от собственного крика и пытаясь удержать ладонями хлещущую кровь, еще не подозревал, во что ввязался. Он бежал к маме, наивно веря, что ее объятия исправят этот мир. Он не знал, что этот первобытный ужас — всего лишь первый, робкий, пристрелочный аккорд в оглушительной, безжалостной симфонии будущих испытаний. Мальчик не догадывался, что всего через пять лет, когда ему исполнится одиннадцать, смерть заберет его детство окончательно. Она обоснуется у самого порога его дома и заберет соседскую девочку грязными, ледяными руками маньяка, оставив после себя шлейф липкого, ночного кошмара для всей округи. Он не знал, сколько предательств от самых близких, казалось бы, монолитных людей ему придется проглотить в будущем. Глотать молча, сухими кусками, не морщась и судорожно сжимая кулаки в карманах, просто чтобы никто не заметил его слабости. Он не знал,

сколько раз в буквальном и переносном смысле ему придется собирать по винтику, по крошечным деталям не только изуродованный, разбитый в щепки металл своих автомобилей после очередных аварий, но и собственную, искромсанную в клочья, растоптанную веру в человечество. Сегодня я стою перед зеркалом. Вглядываюсь в свое отражение сквозь тусклый утренний свет. И вижу шрамы. Сеть белесых линий, отметин, неровностей кожи. Но для меня это давно не следы прошлых поражений и не поводы для жалости к себе. Это мои боевые ордена. Мои знаки отличия, выжженные на теле самой жизнью. Мой настоящий, чистый страх навсегда остался там — на залитом кровью, холодном клеенчатом столе в полутемной деревенской операционной. Я до сих пор помню этот мертво-холодный, слепящий свет ламп, бьющий по глазам, и свист собственного прерывистого дыхания. Всё, что случилось со мной после той страшной ночи — это уже не про ужас. И точно не про панику. Это про чистое, злое, убойное упрямство. Про то самое «выстраданное право жить», право дышать полной грудью, о котором я теперь каждый день твержу своим ученикам, намертво впиваясь взглядом в их удивленные глаза. Я пытаюсь передать им эту силу до того, как жизнь решит проверить их так же, как меня. Чтобы понять, как я в итоге пришел к этой звенящей, абсолютной, почти космической тишине внутри себя, нам придется перелистнуть страницы далеко назад. Туда, в те далекие и темные главы, где этот мир раз за разом бил

меня наотмашь, с размаху, проверяя на излом хребет и волю. А я — к его великому изумлению, переходящему в бесильную злость — каждый раз упрямо, шатаясь, сплевывая кровь, поднимался на ноги. До той первой роковой секунды моя жизнь была легкой, невесомой и чистой, как солнечный блик, играющий на прозрачной воде. Шесть лет — это благословенный, святой возраст. Время, когда ты искренне веришь, что мир крутится вокруг тебя, а самой большой бедой кажется сбитая на бегу коленка или потерянная игрушка. Весь огромный, неизведанный мир кажется твоей личной, абсолютно безопасной и залитой солнцем игровой площадкой, где мама всегда рядом, а зло бывает только в сказках. Я навсегда запомнил это пьянящее, теплое ощущение беззаботности. Ощущение, которое оборвалось, разлетевшись на мелкие, острые осколки, в один короткий, оглушительный миг. Миг, разделивший мою вселенную на «до» и «после».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.